

МАТИЛЬДА СЕРАО

ТРИ НОМЕРА

Матильда Серао

Три номера

«Public Domain»

1909

Серпао М.

Три номера / М. Серпао — «Public Domain», 1909

«В семь часов утра ключ тихонько заскрипел в замке входной двери маленькой квартирки. Томмазина, прислуга, подняла с полу ведро с водою и корзинку с угольями, опущенные ею, чтобы передохнуть минутку и открыть дверь, толкнула коленом половинку двери, широко распахнув ее, и вошла в кухню немного боком...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Матильда Серао

Три номера

I

В семь часов утра ключ тихонько заскрипел в замке входной двери маленькой квартирki. Томмазина, прислуга, подняла с полу ведро с водою и корзинку с угольями, опущенные ею, чтобы передохнуть минутку и открыть дверь, толкнула коленом половинку двери, широко распахнув ее, и вошла в кухню немного боком. Эта была высокая и стройная женщина, необычайно худая с весьма моложавым длинным и смуглым лицом; но хрупкая фигура, на которой темная ситцевая юбка и белая кисейная блуза висели, точно крышка зонтика на стержне, эта фигура худой и болезненной молодой женщины была обезображена огромным животом, ясно обозначавшимся под синим холщевым передником и поднимавшим ситцевую юбку на полступни от полу. Войдя в темную кухню, Томмазина снова поставила свою ношу на пол и села перевести дыхание. Каждое утро в шесть часов она уходила из дому из переулка Виолари аль Пендино и отправлялась на место, где она служила приходящей прислугою, на площадь Святой Марии; дорога брала у нее три четверти часа, потому что расстояние было огромное, а бежать она не могла со своею тяжелою ношею; чтобы меньше утомляться, она покупала уголь прежде, чем подняться наверх, черпала ведро воды из колодца на дворе и тихо-тихо поднималась в третий этаж, шатаясь, пытая и закрывая глаза от напряжения. Она думала о своем муже, который был городовым; он возвращался может быть в это время домой и растягивался на пустой кровати, чтобы уснуть и отдохнуть после тяжелого ночного дежурства. В это субботнее утро Томмазина, по обыкновению, помешала золу под плитою, надеясь найти в ней несколько непотухших угольков, которые она всегда оставляла там накануне вечером, и прошептала:

– Во имя Божие...

Это было обычное утреннее обращение к Богу всех работниц, принимавшихся за работу. Томмазина стала дуть на уголья, чтобы разжечь огонь, время от времени откидываясь назад, потому что удушливый угар вызывал у нее тошноту: поставив на уголья кофейник с остатками кофе от предыдущего дня, она порылась в корзинке с углем и вынула оттуда завернутое в бумагу яйцо. Она разбила его, опустила желток в стакан и прибавила немного мелкого сахара, стараясь делать как можно меньше шума, чтобы не разбудить спящих господ. Но из одной комнаты-вся квартирка состояла из двух-послышался кашель, несильный и нехриплый, но упорный; затем кашель утих, послышался глубокий вздох, кашель опять возобновился на три-четыре минуты и наконец сразу успокоился. Продолжая мешать желток в стакане, Томмазина прошла через комнатку, служившую одновременно гостиной и столовой и, войдя в спальню, стала открывать ставни.

– Здравствуйте, господа, – сказала она, оборачиваясь в сторону широкой кровати.

– Здравствуй, Томмазина, – ответил голос, бывший когда-то звонким, но звучавший теперь глухо. – Который час?

– Около половины восьмого.

– Как поздно, как поздно! – прошептал глухой женский голос.

Женщина приподнялась на подушках, точно собиралась встать; две длинных белокурых косы с блестящими кое-где седыми волосами упали на ее ночную кофточку. Это была дама лет сорока с поразительно чистым профилем, серыми, кроткими, миндалеобразными глазами и нежными и белыми, точно у молодой девушки, руками.

– Катерина, Катерина, – сказала синьора, обращаясь к девочке, спавшей рядом с нею.

Но та даже не пошевелилась; откинув назад на подушку голову с двумя длинными косами каштановых волос, растрепавшимися на белой наволочке, и с плотно сжатыми красными губками, она спала таким глубоким и безмятежным сном, что синьора, ее мать, позвала ее вторично, но на этот раз чуть слышно, словно у нее не хватало духу разбудить дочь.

– Бедная девочка! – прошептала она, точно говорила сама с собою.

Она скрестила белые руки на одеяле. Томмазина фамильярно прислонилась к спинке кровати, и глядела на четырнадцатилетнюю Катерину с густыми черными бровями и курносый носом.

– Почему вы говорите: бедная девочка? Она, ведь, слава Богу, прекрасно себя чувствует.

– Мне хотелось бы, чтобы она могла подольше спать и чтобы ей не нужно было ходить в школу, – сказала мать, начиная потихоньку одеваться.

– Но в школе она обучается наукам, – сказала Томмазина нравоучительным тоном. – Если бы я умела читать, я не жила бы в прислугах.

Синьора, стоявшая перед зеркалом, печально покачала головою; она была маленького роста, худая, но изящно сложена; она не глядела в мутное зеленоватое зеркало, в котором все лица выглядели мертвенно-бледными, и медленно проводила гребенкою по роскошным белокурым волосам, где появлялись уже седые волосы. Затем она снова закашлялась.

– Вчерашний фосфор навредил мне, Томмазина, – сказала она шопотом после глубокого вздоха, следовавшего у нее всегда за приступом кашля.

– Да и пользы от него все равно никакой, – ответила молодая служанка, переставая мешать яйцо, обратившееся уже в белую массу.

По вечерам эта маленькая квартирка, находившаяся в старом доме одного из старых кварталов Неаполя, с виду довольно чистая, наводнялась целыми кучами тараканов, выползавших из разных дырок и из-за водопроводной трубы; они так наводняли кухню и так называемую гостиную, что мать и дочь не решались никого принимать по вечерам, но из чувства отвращения уходили из дому, несмотря на то, что не имели ни малейшей охоты делать это, и синьора была очень утомлена долгими дневными трудами. Томмазине пришлось в голову намазать фосфор на свежие листья салата, чтобы вывести гадких насекомых; но квартирка только наполнилась дурным запахом и фосфорическим светом, а цель все-таки не была достигнута.

– А уж я-то все делаю, чтобы держать квартиру в чистоте, – пробормотала Томмазина, подходя сбоку к большой двуспальной кровати, чтобы разбудить все еще спавшую девочку.

Синьора, кончившая одеваться, огляделась кругом. Квартира была бедно обставлена, и немногих усилий стоило держать ее в чистоте. Спальня была почти вся занята большою железною, настоящею неаполитанскою, кроватью; тут же находился деревянный комод, крошечный убогий туалет из крашеного орехового дерева, вешалка и два стула. Обстановка гостиной состояла из так называемого гонуэзского дивана, который можно было обращать в кровать, волосяного с железным остовом и кретоновой обивкою, полинявшей от частой стирки, из четырех грубых жестких стульев весьма старинного фасона, из двух этажерок с книгами и из круглого стола с блестящею мраморною доскою; на этом столе обедали, писали, работали и держали его всегда в чистоте; этот холодный белый стол составлял роскошь дома и гордость матери и дочери. Больше в комнате ничего не было, ни намек на какое-нибудь маленькое кресло, ковер, занавеску. Голый пол, голые окна, все было голо и холодно.

Но Катерина не слушала Томмазину, которая хотела заставить ее встать. Она повернулась на другой бок, улыбалась, ворчала, жаловалась что ей хочется спать, что она не выспалась и время от времени звала мать, точно ожидала из нее помощи:

– Мама, мама...

– Вставай, детка, вставай – ответила мать ласково, точно говорила с четырехлетним ребенком.

Катерина стала уверять, что сегодня праздник – воскресенье. – Нет-с, сегодня суббота, – возразила прислуга. Бедная женщина, худая и смуглая, как оливки, преданная обеим хозяйкам, как верная собака, полусмеясь, полунасильно заставила Катерину встать и одеваться, обещая ей, что завтра она проспит до десяти часов, и ей будет также дано яйцо в кофе по случаю воскресенья. Синьора, которой приходилось говорить целые дни на уроках английского и французского языка, разрешала себе эту роскошь, полезную для груди, но стоившую три сольди; зато она не завтракала из экономии и ничего не ела после этого яйца до пяти часов вечера. Она сидела теперь с задумчивым видом, глядя на Томмазину, завязывавшую девочке юбки; Катерина была грубо и неизящно сложена и быстро росла, вырастая из платьев и обуви. Как раз серенькое шерстяное платье, которая она одевала, протерлось на локтях и стало коротко, оставляя ноги открытыми. Катерина глядела с видом отчаяния на туфли и локти, тогда как мать, одетая несмотря на майскую жару в очень тяжелое, зимнее шерстяное платье коричневого цвета, сохраняла величественный, благородный вид.

– Ты все рвешь, девчурка-тихо сказала мать.

– Оно само рвется; что я поделаю? Кроме того ты, ведь обещала мне новое платье к экзаменам.

– Конечно, конечно, – прошептала синьора с еле заметной улыбкой.

– А это платье мы дадим тогда Томмазине для ее ребенка – воскликнула девочка.

Служанка обернулась и побледнела; она волновалась и дрожала каждый раз, как с нею говорили об этом ребенке, который должен был скоро родиться, но для которого у нее ничего не было готово, даже ни одной пеленки; она уже чувствовала себя матерью и уже дрожала от любви и сострадания к своему ребенку. Затем она взглянула в лицо своей госпожи, и обе матери молча поняли друг друга, так сильно было волнение молодой и так глубоко сострадание и доброта пожилой женщины. Катерина же причесывала волосы, бегая по комнатам в поисках за своими книгами и тетрадами, и напевала песенку, надев уже очки на вздернутый остренький носик и изящно откинув назад голову. Она весело выпила черный кофе с маленькой булкой в один сольдо в то время, как мать пила кофе с яйцом, предлагая ей изредка глоток, точно ее мучила совесть за эту роскошь, которою не пользовалась дочь. Томмазина вернулась в кухню выпить остатки кофе в стакане, потому что чашек было только две в доме. Синьора, уже в шляпе, подошла к двери кухни и несколько времени тихо разговаривала с служанкою, прося ее быть поэкономнее в этот день, так как она могла дать ей только три лиры на все покупки. Она подала ей деньги и кротко взглянула в лицо бедной служанке, точно хотела снискать ее благоволение, а та молча глядела на три серебряные лиры, делая в уме расчет.

– Хватит тебе? – спросила синьора.

– Я думаю, – ответила та, продолжая считать.

Синьора ушла с облегченным сердцем.

Катерина кричала из соседней комнаты одевая шляпу.

– Томмазина, купи мне абрикосов.

– Хорошо, синьорина.

– Томмазина, купи мне вязальный крючок и белых ниток.

– Хорошо, синьорина.

– Томмазина, купи мне черную резинку для шляпы; моя очень растянулась.

– Хорошо.

– Идем, идем, деточка – шептала мать, стоя у открытой двери.

– Ты приготовишь мне все это к вечеру, Томмазина?

– Непременно, да благословит вас Мадонна.

Мать с дочерью ушли; девочка взяла мать под руку, держа в другой руке сверток с книгами, тетрадами и футляр с циркулями и карандашами для рисования.

– Тащи меня, мама-сказала она, спускаясь по лестнице.

– Нет, ты поддерживай меня, детка, – ответила мать.

Оставшись одна, Томмазина стала прежде всего убирать квартиру. По неаполитанскому обычаю она разрыла постель, сняла с нее подушки и простыни и свалила матрасы в кучу у изголовья кровати; так они должны были пролежать до вечера, чтобы проветриться. Она делала все это крайне медленно из-за тяжелой беременности; стряхивая простыни, она уронила на пол маленький кусок бумаги. Сперва она подумала, что это была обертка от кофейных лепешек, которые ее госпожа сосала иногда по ночам в приступе кашля, чтобы успокоиться и уснуть. Но на бумажке было написано что-то. Томмазина наклонилась поднять записку и взглянула на нее, несмотря на то, что была неграмотна. Бедная крестьянка не научилась читать и не могла посещать школу, работая на поле; но она прекрасно знала цифры, а на бумажке были написаны четким круглым почерком три числа.

– Три, сорок два, восемьдесят четыре; это три номера для лотереи¹, – подумала Томмазина, прочитав их.

Она машинально положила бумажку в карман своего холщового передника, рассчитывая сыграть на эти три номера, когда пойдет за провизией; как раз сегодня была суббота, и может быть Господь Бог посылал ей эту милость с неба. Но каким образом попала эта записка в постель синьоры? Было ясно видно, что это три номера для лотереи, а не конверт, не рецепт, не визитная карточка; это была именно записка с тремя номерами для лотереи. Томмазина долго раздумывала, каким образом синьора могла узнать эти три числа. Может быть какой-нибудь священник или монах, или другая добрая и набожная душа дали синьоре накануне в пятницу эти три номера; или может быть ей самой, поистине святой душе, они случайно пришли в голову. По обычаю увлекающихся лотереєю неаполитанцев, синьора устроила номерам *испытание*, которое состоит в том, чтобы написать все три числа на бумажке в пятницу вечером, прежде чем лечь спать, положить записочку неслаженной под подушку и упорно думать о ней в ночь с пятницы на субботу; если эти номера приснятся ночью, это значит, что они верны и обязательно выйдут в лотерею; если же не приснятся, то они неверны и не стоят того, чтобы рисковать из-за них даже двумя сольди. Так поступила должно быть и синьора, которая была так добра и которой, наверно, приснились *верные* номера.

– Почему знать! – думала Томмазина. – Почему знать! Может быть синьора дала мне сегодня только три лиры, чтобы истратить остальное на лотерею. Да благословит ее Мадонна, и да поможет Она также мне!..

Она взяла на кухне чистую тряпку и завернула в нее деньги, потому что у корзинки для провизии, свидетельницы хороших времен, когда на рынке покупались куры и разные вкусные вещи, отвалилось дно. На широкой лестничной площадке стояла соседка донна Луиза Якви-нанджело, совладелица старого палаццо, со своею прислугою Кончеттеллою и покупала помидоры у разносчика, позванного с улицы наверх и пришедшего с двумя большими корзинами полными помидоров. Кончеттелла с разносчиком стояли на коленях по обеим сторонам корзин, и каждый раз, как разносчик клал на весы слишком мелкие или переспелые помидоры, Кончеттелла протягивала руку и меняла их, а разносчик поднимал голову и протестовал, не желая больше продавать ей товар и опуская весы. Донна Луиза Якви-нанджело спокойно стояла на пороге и изредка вставляла слово в разговор. У нее было длинное лицо, как у козы; она была поразительно некрасива, но причесана по моде парикмахершею и одета в платье из русского холста, что составляло большую роскошь в этом старом дворце на площади Святой

---

¹ В Италии каждую субботу происходит розыгрыш правительственной лотереи, который состоит в том, что в восьми крупных городах из урны с девяноста номерами вынимается пять номеров. Игра происходит посредством предварительной записи на билеты одного или нескольких номеров в специальных лотерейных лавках. Выигрыш колеблется в зависимости от размера ставки и от числа угаданных номеров. Многих страстное увлечение лотереєю доводит до полного разорения; особенно же разорительное и деморализующее влияние на народ производит лотерея в Неаполе, где увлечение игрою достигает крайних пределов. – *Прим. переводчицы.*

Марии и причиняло тайные страдания ее семье, несмотря на ее богатство и доброту. Она была совершенно праздная женщина и не имела ни забот о будущем, ни неприятностей, ни огорчений, интересовалась всеми мелкими подробностями жизни и постоянно вертелась с детским любопытством и надоедливой заботливостью вокруг мужа, детей, прислуг, торговцев. У нее был не злой язык, но сплетничала она невероятно и была чувствительна до наивности, суясь всюду, куда не следовало, желая знать все подробности чужой жизни и считая себя выше всех женщин, тогда как те, о которых она пеклась с любовью, заявляли, что они не знали более надоедливой женщины. Одно из ее главных удовольствий состояло в том, чтобы звать разносчиков на площадку лестницы и торговаться с ними в течение целого часа из за цены на одно кило персиков, несмотря на то, что она была достаточно важною барынею, чтобы посылать каждое утро свою кухарку на рынок.

– Здравствуй, Томмазина, – ответила донна Луиза на приветствие молодой женщины. – Ну, как же ты поживаешь? Начала ты лечиться супом из огуречной травы, как я тебе советовала?

– Я ем, что придется, синьора – ответила та, останавливаясь у корзины с помидорами. – Лечение стоит денег. Почему ты продаешь их, дядя?

– По четыре сольди за кило.

– Господи Иисусе! Да где ты видал эти четыре сольди? Кто тебе даст их? Ведь уже конец мая. Скоро вам придется продавать их по одному сольдо за кило.

– Ну, тогда я перестану торговать и буду сидеть баринном, – сказал разносчик насмешливым тоном.

– Если ты отдашь мне помидоры за два сольди, я дам тебе также номера для лотереи, дядя.

При этих словах разносчик поднял голову, Кончеттелла вскочила на ноги, а донна Луиза Яквинаджело вытянула вперед свой козлиный подбородок, точно услышала что-то в высшей степени интересное.

– Кто тебе дал их? Не монах ли? – спросила она Томмазину.

– Наверно исповедник, – заметила Кончеттелла.

– Красивым женщинам уж всегда кто-нибудь даст номера, – сказал разносчик, смеясь.

– Не все ли вам равно, кто дал мне их – монах или исповедник? А кто хочет выиграть сегодня в лотерею, тот должен играть на три номера: три, сорок два и восемьдесят четыре, это верные номера и правительство лопнет!

– Как же надо играть на эти номера? – спросила донна Луиза.

– Как угодно, синьора, но вы не выиграете на них; эти номера годятся только для нас бедных людей. Что же, ты дашь мне кило помидоров?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.